

Чернявская Валерия Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
<https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>
chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Культура отказа в научной коммуникации: семантика и прагматика отрицательной оценки в экспертизе*

Для цитирования: Чернявская В.Е. Культура отказа в научной коммуникации: семантика и прагматика отрицательной оценки в экспертизе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (4): 956–975. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.411>

Понятие «культура отказа» используется для характеристики социального и профессионального взаимодействия между участниками научного сообщества в условиях осознаваемой научной состязательности и отклонения результата индивидуальных исследований. Статья исследует практику отказа в академической среде, опираясь на лингвистическую специфику оценки, выраженную в экспертном заключении о возможности опубликования статьи. Это жанр, в котором оценочность получает наиболее эксплицитное выражение. Открытое рецензирование становится распространенным способом научно-экспертной деятельности и взаимодействия между специалистами в профессиональном сообществе. Изучение «культуры отказа» в лингвистической перспективе предполагает профессиональную рефлексию относительно выбора средств и форм выражения научной критики, ее конструктивного характера и упорядочивания отрицательного влияния отказа. Материалом для анализа стали англоязычные экспертные заключения о возможности опубликования исследования, находящиеся в открытом доступе на сайте международных научных журналов, представляющих новые результаты в естественно-научной области знания. Научная критика рассмотрена как вынесение отрицательного суждения, несогласие с представленной позицией. Исследовательский вопрос связан с тем, как в экспертном заключении выражена оценочная позиция субъекта речи по отношению к предмету исследования и по отношению к собственным утверждениям для их разъяснения и аргументации. В исследованный корпус включены и анализировались экспертные заключения с рекомендацией «отклонить с возможностью повторной подачи» и «нуждается в существенной правке». В результате установлена лингвистически значимая специфика выражения оценки в научной экспертизе, связанная, во-первых, с эксплицитной авторизацией оценочных суждений. Это существенно в перспективе изучения познавательной активности эксперта и выражения его самостоятельности как одного из субъектов научного поиска и научной коммуникации, находящегося в диалоге с другим профессионалами. Во-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ № 22-18-00591 «Прагматика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

вторых, при вынесении отрицательной оценки характерно оценочное аргументирование, объясняющее и доказывающее точку зрения эксперта. Делается заключение, что ясно и однозначно сформулированная позиция в научной экспертизе является основой поступательного развития в науке.

Ключевые слова: научная коммуникация, научный дискурс, научно-экспертный текст, оценочный язык, культура отказа.

Введение

Коммуникативно-речевая и познавательная деятельность по производству нового научного знания оценочна по своей сути. «Оценка трактуется как лингвосомиотический и прагматический ресурс интеграции участников дискурса в научную деятельность и как сигнал их включенности в академическое профессиональное сообщество с его общими интересами и целями» [Нефёдов 2021: 761]. Специалисты констатируют экспансию оценки и расширение востребованности оценочных процедур в связи с усложнением отношений научного сообщества и общества. Говорится об «оценочном буме» [Жэнгра 2018: 57], об особом рода синдроме оценочного напряжения, переживаемого в условиях постоянного давления от состоятельности и необходимости получить и опубликовать результат. Функциональная вариативность оценочных средств отражает коммуникативную и познавательную активность субъекта в разных видах научной деятельности, поскольку научно-экспертная деятельность и коммуникация сосуществуют вместе с поисково-исследовательской практикой, научно-популяризаторской и научно-учебной деятельностью. Выбор оценочных средств, их семантика и прагматика во многом опираются на целеполагание соответствующей коммуникативной практики.

Система оценивания научного результата традиционно основывается на процедуре рецензирования (peer review). Она сложилась одновременно с институционализацией науки во второй половине XVII в. Система рецензирования, как известно, изменялась со временем и приобретала бóльшую детализацию и специализацию. Так, появление в течение XIX в. специализированных дисциплинарных журналов ориентировало рецензирование в сторону большей профильности экспертной оценки в определенной предметной области. В середине XIX и начале XX в. экспертиза была слабо формализована. Оценивание публикации и принятие решения об опубликовании принималось редактором журнала или редколлегией, исходя из понимания собственных компетенций. Доля отказов была незначительной, менее 10 %, даже для наиболее авторитетного профильного журнала по физике «Annalen der Physik» [Жэнгра 2018: 59]. Примечательно, что в первой половине XX в. оценка исследовательских проектов при подаче заявок на финансирование опиралась на свободную дискуссию и осуществлялась как слабо формализованное, непосредственное обсуждение на заседании отборочных комитетов [Жэнгра 2018: 6]. Одни и те же аспекты могли оцениваться по-разному и достаточно произвольно, подробнее об этом см.: [Cole et al. 1981]. Введение и закрепление рейтингов и балльной системы позволяло вычислять «средний арифметический» показатель для достижения консенсуса при отборе. Современная тенденция к формализации оценки сформировалась как движение неформального обсуждения специалистов и экспертного мнения к выработке четко установленных, прозрачных, валидных

критериев квантификации (на основе количества публикаций ученого и импакт-фактора журнала, упорядочивающих субъективный процесс оценивания в науке.

Многократное усложнение связей науки и общества привело к тому, что с середины 1970-х гг. отмечено усиливающееся давление на систему рецензирования и обострение критики рецензирования как качественного метода, отмечают исследователи [Жэнгра 2018: 136]. Стандарты рецензирования, особенно в естественных науках, медицине, стали объектом противоречивых дискуссий и мониторинга со стороны общества. Безусловно значимым итогом активных дискуссий о слабых и сильных сторонах формализованной экспертизы, не прекращающихся и в настоящее время, стало признание неустранимости и безальтернативности процедуры научной экспертизы. Она сохранила свое фундаментальное назначение создавать и поддерживать барьеры, или, иными словами, функцию гейткипинга (gate-keeping function), или «привратника», — создания входных фильтров в пространство науки. Специалисты признают существенную и все возрастающую роль экспертизы в научном сообществе для поддержания механизма авторитета и доверия в науке.

Выраженная оценка является сильным мотивом для исследователя. Успешность и результативность научного поиска в значительной степени зависит от удовлетворенности исследователя, его мотивированности и осознаваемой поддержки со стороны профессионального сообщества. Одновременно это утверждение означает признание факта, что научное сообщество действует в условиях культуры отказа (culture of rejection) — отклонения статьи или непризнания заявки на грантовое финансирование исследования. Научный критицизм, то есть выражение личного мнения — как положительного, так и отрицательного — с целью сформулировать оценку, поощряется как необходимое условие для продвижения и распространения знания. При этом непризнание результата, негативная критика являются неустранимыми составляющими научной деятельности. Академическая культура отказа определенно выступает как сильная разрушительная тенденция, действующая против этих мотивирующих факторов, оцениваемая как контрпродуктивная и даже «токсичная» практика, причиняющая существенные психологические травмы [Day 2011]. Отклонение заявки/рукописи может спровоцировать снижение продуктивности в целом [Conn et al. 2015]. Несмотря на общеизвестный факт, что сегодня в профильных журналах процент отклоненных рукописей высок и даже превышает число принятых к публикации, отклонение статьи, заявки на грант воспринимается авторами как личная неудача, связанная с сильными негативными эмоциями, разочарованием, чувством стыда [Allen et al. 2022: 876].

Предлагаемая статья исследует сложившуюся практику отказа в академической среде, опираясь на лингвистическую специфику оценки, выраженную в особом научно-критическом жанре — экспертном заключении о возможности опубликования статьи. Это тот жанр, в котором оценочность получает наиболее эксплицитное выражение. Экспертное заключение (peer review), или, в иной терминологии, отзыв на рукопись, экспертное заключение о заявке на грантовое финансирование исследования представляют самостоятельный жанр научно-критических текстов, наряду с рецензией на опубликованный текст. Экспертное заключение отличается от рецензии. Текстотипологические и функциональные различия между рецензией и экспертным заключением видимы в принципе критического анализа и его предмете. Научная экспертиза понимается как взаимодействие между специалистами

при формировании нового знания и его критическое осмысление, верификация и как оценочная интерпретация со стороны эксперта, обуславливающая допуск отдельного фрагмента знания в общий научный дискурс предметной области. Для заключения (peer review) характерна, как правило, анонимность эксперта и недоступность отзыва широкому кругу специалистов и научной общественности. Экспертное заключение готовится по внешнему запросу редколлегии журнала, научного фонда, государственных и негосударственных институций и участвует в принятии решений о продвижении результата в экономической, политической, идеологической системе ценностных координат через выявление значимого, перспективного результата. Если одной из главных функций науки является создание и поддержание доверия в обществе к системе человеческого знания и общественным институтам, то функция научной экспертизы — в поддержании доверия к научному знанию, его доказательности и достоверности.

Методология и материал исследования

Материалом для анализа стали англоязычные экспертные заключения о возможности опубликования исследования (peer review), находящиеся в открытом доступе. Исследовательский вопрос связан с тем, как в экспертном заключении выражена оценочная позиция субъекта речи по отношению к предмету исследования и по отношению к собственным утверждениям, чтобы разъяснить и аргументировать собственную точку зрения. Научная критика рассмотрена в узком значении этого понятия как интерпретация, выявляющая противоречия и недостатки объяснительного подхода, как вынесение отрицательного суждения, несогласие с представленной позицией.

Текстовый корпус экспертных заключений на английском языке создан на основе пилотного проекта компании Elsevier, запущенного в 2015 г. и предоставляющего в открытом доступе экспертные заключения о возможности опубликования статьи в ведущих профильных журналах. В открытом доступе размещаются как анонимные заключения, так и с указанием имени рецензента. К проекту присоединились ведущие рейтинговые журналы в области медицины, биобезопасности, инженерных наук, экологии и др. Экспертные заключения доступны на сайтах журналов в соответствующей рубрике, а также в настоящее время на цифровой платформе Scimedirect.com.

Применялась комплексная дискурсивно-аналитическая методология исследования, основу которой составляет анализ семантики и прагматики оценочных языковых средств на уровне текстового целого [Молодыхенко 2015; Chernyavskaya, Nefedov 2021; Чернявская 2021; Нефёдов 2021; Martin, White 2005; Martin, Rose 2007]. Для определения оценочных языковых единиц принималась во внимание предикативная структура пропозиционального содержания текста, состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предикцируемого признака (предиката), процедура анализа детально разработана и представлена в работе [Нефёдов 2021]. Анализ оценочных языковых средств проводился с учетом цели рассматриваемой научно-экспертной деятельности и с учетом профессионального статуса — позиционирования в тексте субъекта познания и речи как эксперта в соответствующей научной области. В корпус экспертных заключений

вошли 70 текстов, опубликованные в специальном выпуске журнала «Agricultural and Forest Meteorology», представившего в открытом доступе отзывы на отклоненные и принятые к публикации статьи за 2016 г.¹ Журнал позиционируется как международное издание с высоким импакт-фактором и уровнем цитирования, публикующее новые теоретические и прикладные результаты в области изучения естественных экосистем и изменения климата, метеорологии, сельского хозяйства. В исследованный корпус включены и анализировались экспертные заключения с рекомендацией «Отклонить с возможностью повторной подачи» («Decline with option to Resubmission») и «Нуждается в существенной правке» («Major revision»), что позволило сосредоточиться на языковых средствах, которые выбираются для эксплицитного выражения отрицательной оценки, несогласия с мнением другого исследователя. В результате анализа систематизированы характеристики и соответствующие языковые средства представления критической оценки в научно-экспертной деятельности.

Научно-экспертный текст как объект анализа в лингвистике научной коммуникации

В научном познании оценка ориентирована на нормы и стандарты научной рациональности и реализуется в первую очередь как познавательная (эпистемическая) оценка. Познавательная оценка проявляет себя по-разному: как логическая (когнитивная) квалификация знания или познавательного действия (метода, эксперимента, наблюдения, типологии и др.), приводящего к формированию знания; как квалификация формы представления знания по эпистемическим основаниям (новизне, актуальности, доказательности и др.); как выбор модальности утверждений и авторского мнения по отношению к предмету науки и процедурам получения нового знания и т. п. Одновременно познавательная оценка проявляется как эмотивная оценка через выражение личного отношения субъекта к знанию. Познавательная оценка неразрывно связывает в единую связку логическое и субъективное, эмоционально-чувственное содержание, подробнее см. в работе [Данилевская 2006]. Разумеется, что

коммуникативно-речевые акты оценивания рассматриваются как неотъемлемая составляющая научных коммуникативных практик, отражающая посредством разных конфигураций оценочно-квалифицирующих действий взаимодействие знания «старого» и «нового», предлагаемого к дискуссии и отвечающего стандартам достоверности, верифицируемого и включаемого в научный оборот [Нефёдов 2021: 761].

При этом лингвистическая выраженность познавательной оценки может быть разной, когда она отражает разнообразные акценты в целях и прагматических установках субъекта познавательной деятельности. Необходимость изучения вариативности оценочного языка «при проецировании языка оценок на разные цели научных коммуникативных практик, разные предметные области науки, меняющиеся роли субъектов дискурса и другие параметры внешней коммуникативной

¹ Источник: Agricultural and Forest Meteorology. Peer Review Report 2016. ScienceDirect <https://www.sciencedirect.com/journal/agricultural-and-forest-meteorology/vol/217/suppl/S1>, Peer Review Report, 2016, № 217, pp. 1–552 (дата обращения: 26.02.2024).

ситуации» [Нефёдов 2021: 763] стало одним из значимых выводов лингвистики научной коммуникации, разработанной в трудах С. Т. Нефёдова.

Коммуникативно-речевые стратегии и модели оценивания в научной коммуникации проанализированы в настоящее время неравномерно в жанрово-типологическом аспекте. Наиболее изученным жанром является рецензия на опубликованную книгу, в первую очередь на монографию. Изучены и системно описаны структурно-композиционная организация текста рецензии, семантика и прагматика языковых единиц, выражающих эпистемическую и эмоциональную, экспрессивную оценку в научно-критических текстах. Рецензия на опубликованный текст изучалась также в проекции академической вежливости и смягчения категоричности суждения — так называемого лингвистического хеджирования, в результате сложилось представление о языковых деинтенсификаторах оценки, снижающих степень ее категоричности и прямоты, и речевых стратегиях не прямой смягченной критики в разных языковых культурах [Кондратенко 2022; Молодыхенко 2015; Нефёдов 2017; Чернявская 2022] и в сравнительном аспекте [Ларина 2019; Hyland, Diani 2009; Martin, White 2005].

Жанр «экспертное заключение» и выражение научного критицизма исследовались в социологии, предметом анализа становились параметры и критерии оценивания, складывающиеся в социальном и институциональном контексте, а также динамика критериев и стандартов критики, см., напр.: [Reinhart 2009; Reinhart 2010; Wang 2019]. В лингвистической перспективе этот жанр не исследован детально и исчерпывающе, поскольку доступ к текстам экспертизы, как правило, ограничен. Выводы о языке оценок в экспертной деятельности, по сути, делались на основе наблюдения за критическими текстами рецензий на опубликованные тексты, и характеристики семантики оценки в экспертных текстах складывались по умолчанию как характерные для оценки в научной коммуникации вообще. В современной ситуации эта тенденция меняется. В настоящее время все большее число научных журналов принимает политику открытого рецензирования. Например, проект общественной научной библиотеки PLOS (Public Library of Science) публикует историю рецензирования² в своих издаваемых журналах в области биологии, медицины, компьютерной биологии и др.³ Существуют веб-платформы (PubMed, ScienceOpen), которые предусматривают функции рецензирования уже опубликованных статей, а также возможность комментировать опубликованные статьи (ResearchGate, F1000, Publons).

Анонимная рецензия называется «новым жанром для русского научного дискурса» и «жанром конфликтогенным, поскольку доминирующей целеустановкой рецензии является оценка, которая может быть как позитивной, так и негативной» [Ларина 2019: 38]. Применительно к российской практике говорят о непривычности и неукорененности тех процедур и принципов академической критики, которые должны рассматриваться как конвенциональные для распространения научного результата. Т. В. Ларина указывает:

² PLOS (Public Library of Science). <https://plos.org/published-peer-review-history/> (дата обращения: 26.02.2024).

³ PLOS (Public Library of Science). PLOS Journals Now OPEN for Published Peer Review. <https://theplosblog.plos.org/2019/05/plos-journals-now-open-for-published-peer-review/> (дата обращения: 26.02.2024).

Нередки случаи, когда рецензент не сомневается в том, что имеет право выступать в роли критика, уверенного в объективности и истинности своих суждений и оценок, забывая о том, что любое познание и оценка его результатов всегда субъективны. С другой стороны, те, кто обладают большим статусом, не привыкли к критике и часто на нее реагируют негативно [Ларина 2019: 43].

Для объяснения специфики профессиональной экспертной деятельности и способов выражения оценки следует исходить из понимания тех задач, которые должен решать эксперт. Научная исследовательская деятельность — не то же самое, что экспертиза, точнее, экспертная деятельность не тождественна научному поиску и не повторяет его по своим онтологическим и гносеологическим основаниям. Научная деятельность скорее противоположна экспертизе, потому что наука гипотетична, эвристична и должна проблематизировать основы своего знания. Экспертиза, напротив, опирается на то, что определенные формы знания самодостаточны и зафиксированы как нормы и стандарты, и поэтому использует их в качестве основания для утверждения авторитета научного знания и одновременно авторитета эксперта, его влияния и — в определенном смысле — власти. Сегодня сложилась своего рода презумпция научной экспертизы и презумпция экспертной оценки.

Оценочный язык в научно-экспертной деятельности нормоцентричен. Это значит, что

экспертные оценки отсылают к институциональной совокупности общепринятых норм, коллективно установленных научным сообществом для всех случаев активности дискурсивных субъектов и обязательных к соблюдению всеми членами научного профессионального сообщества. Это так называемые универсальные критерии научности, такие как актуальность решаемой задачи, новизна предложенных решений, верифицируемость полученных результатов, логическая непротиворечивость аргументации, точность и ясность изложения [Нефёдов 2021: 769].

В этом отличие экспертной оценки от языка оценок в поисковой исследовательской практике: последний может быть назван автороцентричным, поскольку отражает мнение конкретного исследователя в познавательном контексте уже известного «старого» знания и нового авторского результата, в контексте (не)согласия с мнением других специалистов. Различия в выраженности оценок и их концептуальных оснований детерминированы неодинаковыми коммуникативными установками исследователя в дискурсивных практиках научного поиска, с одной стороны, и научной экспертизы — с другой. В первом случае доминирующей установкой выступает научный интерес и «желание» получить новый результат. В научной экспертизе на первый план выходит иной мотив — чувство долга, осознанного профессионального обязательства. Нефёдов сформулировал это так:

«Желание» допустимо интерпретировать как стремление конкретного исследователя внести свой личный вклад в науку (определенную дисциплинарную область), чтобы подтвердить профессиональную компетентность и приобрести определенный авторитет среди коллег; «долг» — как обязанность всех представителей академического сообщества брать на себя функции эксперта [Нефёдов 2021: 775].

Подробнее об этом см. также в работе [Нефёдов 2017].

Академическая культура отказа как дискурсивная практика

Определение «культура» по отношению к способам и формам выражения отказа и научного критицизма созвучно и соподчинено пониманию культуры как процесса социального конструирования, в котором определенные нормы, ценности, системы знания, значения и смыслы обеспечивают социальное взаимодействие и задают надындивидуальные ориентиры. В социальном пространстве устанавливаются нормы, предпочтения, модели должного, иные ориентиры, принимаемые и разделяемые участниками коммуникативно-речевой деятельности. Культура обеспечивает социальное взаимодействие, сбалансированное равновесие между зафиксированными однажды нормами и подвижным процессом их формирования и изменения.

Это применимо к понятию «культура отказа». Данное понятие в академической среде используется для характеристики социального и профессионального взаимодействия между участниками научного сообщества в условиях научной состязательности и отклонения результата индивидуальных исследований, статьи или заявки на грантовое финансирование. Культура отказа включает широкий круг факторов, влияющих на ее формирование и принимаемых во внимание в анализе — социальное позиционирование и функциональные роли субъектов научного дискурса, профессиональные стандарты и критерии научности, культурно-специфические нормы и конвенции, коммуникативно-речевые ресурсы и стратегии актуализации этой практики.

Сложилось особое исследовательское направление, соединяющее психологические, социальные, медицинские, дидактические наблюдения и выводы, нацеленные на изучение стресса и демотивации исследователя в культуре отказа [Allen et al. 2020; Carson et al. 2013; Horn 2016; Lepak 2009; Reinhart 2009]. Обсуждаются факторы, способствующие смягчению негативных последствий и влияния отказа на академическую мотивацию исследователя. В западноевропейском и американском университетском пространстве академическая культура отказа и связанная с ней негативная оценочность выдвинулись в фокус общественного внимания. Появилась практика создания резюме с перечнем отклоненных заявок на гранты и непринятых статей в научные журналы — так называемых «резюме неудач» (CV of failures), а также практика подготовки истории поддержанных и неподдержанных заявок при последующем представлении актуального проекта рецензенту. Впервые идея сделать публичным резюме академических неудач была высказана в журнале «Nature» [Stefan 2010: 467]. Автор статьи М. Стефан, профессор центра исследований мозга Эдинбургского университета, высказал предложение, что сделать открытым перечень собственных неудач — значит помочь другим профессионалам обрести уверенность и дать ориентиры в поступательном развитии⁴. Эта идея в дальнейшем стала резонансной благодаря профессору Принстонского университета Й. Хаусхоферу (J. Haushofer), который в 2016 г. опубликовал в социальных сетях свое резюме с перечнем карьерных неудач⁵. Общественному резонансу

⁴ Источник: A CV of failures. https://www.researchgate.net/publication/48925826_A_CV_of_failures (дата обращения: 26.02.2024).

⁵ См. обсуждение в газете «The Guardian» 30.04.2016: CV of failures: Princeton Professor publishes resume of his career lows. <https://www.theguardian.com/education/2016/apr/30/cv-of-failures-princeton-professor-publishes-resume-of-his-career-lows> (дата обращения: 26.02.2024).

этой проблемы способствовала публикация редакторской статьи в авторитетной американской газете «Washington Post» с громким названием «Почему так приятно читать о неудаче профессора из Принстона» (Why it feels so good to read about this Princeton professor's failure)⁶. В 2017 г. исследователь из Сиднейского технологического университета Н. Хопвуд (Nick Hopwood) инициировал использование в социальных сетях хештега #NormaliseRejection. Идея была поддержана представителями академического сообщества и стала далее популярным движением и предметом обсуждения в специальной литературе (см. напр.: [Edwards, Ashkanasy 2018]). «Нормализация отказа», то есть упорядочивание отрицательного влияния отказа, формирование психологической устойчивости к отказу предполагает среди прочего рефрейминг отношения, то есть перемещение неподдержанного проекта в иную психологическую, эмоционально-оценочную рамку восприятия, а также выдвижение других факторов самооценки автора. В их числе такие: поражение всегда дает возможность критически переосмыслить результат, отказ — часть научной деятельности вообще, отказы получают все практикующие исследователи и т. п.

Большинство специальных публикаций обращено к этой проблеме со стороны естественных наук, наук о жизни, медицины. Многие исследования в этой области ставят задачу представить статистически достоверные данные, насколько отклонение статьи характерно для научной коммуникации. Так, в работе [Allen et al. 2022] представлены результаты опроса, проведенного в 2020 г. среди практикующих клинические исследования работников педиатрического факультета Миннесотского университета. В опросе приняли участие 55 % из числа всех работников факультета. Все подтвердили, что имели опыт отказа, отклоненных статей. Из числа опрошенных 44 % направляли первоначально отклоненные рукописи в дальнейшем (четыре и более повторных подач). Некоторые из авторов подавали рукопись десять и более раз до того, как она была принята к публикации. Статистика показала, что научные работники, занимающие должности профессора (Professor) и доцента (Associate Professor), повторно подавали свою статью чаще, чем ассистенты (Assistant Professor). Это объясняется различием в мотивации и возможностях разных категорий научных работников: занимающие более высокие академические позиции имеют больше времени выработать устойчивость к отказам и пересмотреть готовность статьи к публикации, в то время как младшие научные сотрудники сдают быстрее, возможно, не получая достаточного руководства и поддержки⁷ [Allen et al. 2020: 878]. Отмечая, что проведенный опрос имел свои ограничения, а именно не характеризовал научную результативность каждого из респондентов и не учитывал иные факторы, влияющие на одобрение, например порядок упоминания авторов и рейтинг журнала, авторы цитируемого исследования считают, что его результаты можно рассматривать как показательные для научной области в целом.

Академическая культура отказа, спроецированная в лингвистическую систему координат, заостряет вопрос о выражении критики и языковых способах отрица-

⁶ Источник: Swanson A. Why it feels so good to read about this Princeton professor's failures. *Washington Post*. Published 2016. <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/04/28/it-feels-really-good-to-read-about-this-princeton-professors-failures/> (дата обращения: 26.02.2024).

⁷ В оригинале: «faculty at higher ranks have simply had more time to both build rejection resilience and recognize when a paper may not be worthy of publication, or have simply had a larger denominator of work... At the same time, junior faculty were more likely to give up on papers sooner which may provide insight for an opportunity for mentorship in this are» [Allen et al. 2020: 878].

тельной оценки. Это в свою очередь становится предметом специального обсуждения в связи с проблемой смягчения критики и с содержательными основаниями критического отзыва. Так, в работе [Ellinger et al. 2023: 258–261] рассматривается оценка рецензентов, которая может быть квалифицирована как непрофессиональная, неинформативная, не способствующая действительному продвижению результата. Выделено несколько категорий такого рода оценочных комментариев с условными названиями. Первый тип — «рецензент не читал рукопись целиком» («didn't read the manuscript completely»). Такой комментарий маркируют фразы типа:

*I have to ask — what's the significance of this research?
This research makes no contribution to the literature. What exactly were you trying to accomplish with this paper?
The sample undergraduate students? how can this be justified?*

Подобного рода оценка квалифицируется как поверхностная, сигнализирующая отсутствие глубокого понимания («lack of understanding») рецензируемого текста.

Вторая категория неприемлемой критики — формулировки типа «это не соответствует моему взгляду» («out of me area»). Этот тип критических суждений представлен фразами:

*Method run amuck! That's about all I can say!
Your proposition may be good. But, let's have one thing understood — Whatever it is, I'm against it! And even when you've changed it or condensed it, I'm against it.
This is totally out of my area of expertise, but...*

Такого рода оценочное суждение показывает скорее отсутствие у критика специального знания по предмету статьи и невладение им специальными методами исследования.

Третий тип оценочного комментария условно назван «я скажу так» («just mean comments»):

*I would advise you never to submit an article again to (this journal)!
I think I've rejected this manuscript at least twice before at other journals.
I find your theory troubling, your method confusing and your implications laughable!
I think this article is well written, timely. However, supply chain management is just not my taste, and I think the readership (of this journal) will find it to be a boring subject, and so I cannot recommend this for publication.*

Выделен «бесполезный комментарий» («not helpful comments»), не помогающий прояснить обсуждаемый предмет и существо критического замечания, когда рецензент не называет конкретно ошибку, противоречие или открытый вопрос, требующий доработки, не называет необходимую для изучения литературу, лишь критикует вообще. Приводимые примеры:

*I don't think this research makes a significant enough contribution to the literature.
Please have someone with English as a first language proof this manuscript.
The writing needs to be more scholarly. The discussion fails to answer several questions.*

Непрофессиональная оценка связана с «колким, насмешливым сарказмом» (comedian comments), показывающим рецензента как нигилистически настроенного, озлобленного, раздраженного:

I have never encountered a manuscript that uses so many words — and so much paper — to say so little.

This submission is obviously from someone for whom English is a second, no third, maybe fourth language.

After reading your conclusions I felt as if I'd been struck by lightning...with a blinding flash of the obvious!

I wish this paper was the Cheshire Cat in Alice in Wonderland. That way, it could just smile at me and then disappear.

Качественный критический отзыв связывается с ясно выраженными, детальными рекомендациями по развитию исследования, формулирующими конкретную проблему, недостаток, противоречие, которые должны быть переосмыслены. Такие рекомендации ожидаются, даже если рецензент определенно рекомендует отклонить рукопись. Роль рецензента состоит не только в том, чтобы помочь издателю принять обоснованное решение о возможности опубликования, но также и в том, чтобы содействовать автору в усовершенствовании результата [Тихонова, Раицкая 2021: 7], также для обзора [Bagchi et al. 2017]. Рецензирование не должно иметь целью противостояние и состязательность с другим исследователем и демонстрацию собственной компетентности и превосходства, но предполагает работу по улучшению качества нового исследования.

Обсуждение результатов лингвистического анализа

В проанализированном корпусе публикация экспертного заключения имеет следующую структуру: 1) рецензируемая рукопись (полный текст); 2) комментарий рецензента для технической и небольшой правки (Minor Revision); 3) комментарий рецензента для существенной доработки (Major Revision); 4) итоговая рекомендация (Recommendation); 5) ответы автора на рекомендации; 6) комментарий рецензента для автора после доработки и повторной экспертизы (Comment to Author).

Основываясь на изученных данных в рамках корпуса, можно сделать ряд общих утверждений.

Оценка формулируется, как правило, как субъективно-личностное высказывание с использованием местоимения первого лица *I think / я думаю, I believe / я считаю, I am not sure / я не уверен, I am not convinced / я не убежден, I do not agree with the statement / я не согласен с утверждением* — и авторизирующих конструкций *in my opinion / с моей точки зрения*. Персонафицированность субъекта экспертизы поддерживается и усиливается выраженностью я-позиции в комментарии для автора после доработки текста и повторной экспертизы, например:

*I now **feel** the paper is significantly improved in terms of clarity and in terms of the quality of the discussion.*

*The comments of **my** previous **review** have been addressed to **my** satisfaction.*

Авторизованные в форме 1-го лица ед. ч. формулировки характерны, когда познавательная оценка и выражающие ее когнитивные действия «принимаю / не при-

нимаю», «соглашаюсь / не соглашаюсь» соединяются с оценочным рассуждением, опровержением или подтверждением чужой точки зрения со ссылкой на личный опыт, по принципу «я делаю / сделал бы так». Например,

Glad to see the authors not force energy balance closure to estimate Gpm. I am open to trying to estimate Gpm with the microwave and vegetation indices. Personally, I use a slightly different approach, scaling Gpm to GPP and a canopy scale Ball-Berry Model. It works pretty well.

Авторизованностью поддерживается диалогическая обращенность к автору. Характерны вопросы, сформулированные рецензентом, типа:

The abstract lacks the exact things we need to know more about: What is a “marked” growth reduction? How much by percent? “Resistance to drought depended on drought intensity” — in what way? How can trees be less resilient but recover faster? Some clarification is needed here.

Заявленность позиции и субъектно-личностный характер экспертных суждений привлекают внимание в том числе потому, что существующая полемика вокруг рецензирования как инструмента принятия решения о публикации связана именно с его субъективностью. Заметим в этой связи, что формальные, количественные измерительные инструменты в экспертизе рассматриваются как альтернатива экспертному мнению объективированного характера. В связи с полученными данными представляется, что эксплицитную авторизацию, я-позиционирование в тексте можно объяснять в перспективе познавательной активности эксперта, как средство выражения его самостоятельности и независимости. Авторизованность критики позволяет идентифицировать самостоятельную позицию автора экспертного заключения как одного из субъектов научного поиска и коммуникации, находящегося в диалоге с другим профессионалами. Одновременно это усиливает позицию того специалиста, который подтверждает свое право на экспертное, оценочное знание в научном дискурсе. Выраженная авторизация субъекта критики, очевидно, является одним из средств снижения категоричности оценочного суждения и является выражением

коммуникативных стратегий непрямого и некатегоричного оценивания: «от обратного» на базе отрицания; выражения личного мнения через модально-эпистемические компоненты, которое легче оспорить адресату... Хеджированные стратегии оценивания соответствуют критериям негативной вежливости, избегающей прямого вмешательства в личную сферу адресата и коммуникативного давления при вынесении оценочных суждений [Нефёдов 2022: 1711].

Критика представляется как направленная на прояснение, уточнение авторской позиции, исключение противоречий и неточностей. В фокусе оказывается формулирование того, что следует сделать, чтобы представить качественный результат. В этой связи, во-первых, характерной и частотной языковой единицей является глагол *improve* с семантикой улучшения, достижения качества:

The paper could be improved by revision in a number of areas, including... However I think there is still work to be done in order to improve the overall presentation. I have several suggestions for improving the paper.

Во-вторых, как типичные отмечаются языковые единицы со значением объяснения, прояснения, подтверждения формулировок, а именно глагол *clarify* и глагольные сочетания с прилагательным *clear* и наречием *clearly* — *clearly discuss, to make clear*, глаголы *explain* и сочетания с существительным *explanation*, глагол *justify* и существительное *justification*. Например:

*Lines 306–309 — **Make it clearer** upfront that this discussion refers to pre-incidence angle correction results. This isn't **clear** to the reader until line 315 so could be confusing.*

*The conclusion currently contains statements that the papers finding are useful — but I would like **clear guidance** on how to use them rather than having to wade back into the paper. Exactly what should I do to design a field experiment based on these analyses?*

*Do you recommend 20% as an acceptable accuracy threshold? If so then **state it clearly**.*

*The authors may add some **justification** to support the statement...*

В-третьих, характерно использование императивных конструкций, номинирующих познавательные, коммуникативно-речевые действия для достижения доказательности, непротиворечивости оцениваемого результата:

*Please **provide** specific details from these and/or other references that...*

*Please **justify** why only historical weather patterns but not climate change projections were considered for this study...*

*Please **make clear hypothesis** and do deep analysis for understanding changes in controlling factors of ET after passage of a typhoon, not staying to report some number.*

Критика проявляется как логическая (когнитивная) оценка и выражается относительно методологии исследования, способов получения и доказательности, а также практической применимости. Познавательное отношение выражается оценочными действиями «принимаю/отрицаю», «соглашаюсь / не соглашаюсь», оценочной квалификацией «верно/сомнительно/ложно». Критические замечания обращены к следующим концептуальным основаниям: 1) к обоснованности гипотезы; 2) к методологии исследования, ее сформулированности, непротиворечивости, обоснованности; 3) к вводимым в научный оборот данным и их интерпретации; 4) к практической применимости в других разработках; 5) к качеству обзора существующей литературы. В качестве типичных языковых показателей служат лексемы, называющие исследовательскую деятельность: *methodology, method, hypothesis, assumption, measurement*; выраженность этапов познания в структуре текста: *objectives, introduction, conclusion, literature review*; выраженность доказательности и обоснованности: *explanation, evidence*.

Примеры в контексте:

The **methodology** and **explanations could be tightened up**. **Methods:** In general, there is a lack of **explanation** of replicated and statistical methods used in the study. Furthermore, an explanation of why the authors did these various experiments should be provided.

Please **make clear hypothesis**. The **assumptions** need to be better explained.

This needs to be clarified **to make more clear** what **data** is being used in this analysis; it would be useful to give a clearer feel for the point density of the point cloud.

Please **provide evidence** (e.g. **field measurements from literature**) that nitrogen input of 110 kg/ha could increase rainfed wheat yield by 1.8 ~ 3.0 Mg/ha in Australia.

I would like to hear more about the **eddy flux data**. Barely a sentence is used to describe the **measurments**. Hence the paper is missing key information on **sampling errors, instruments, biases, uncertainties, calibration, fetch, terrain, slopes**, etc.

The **objectives** are **not clearly presented** at the end of the **Introduction**. The authors mention what they did, but no why. The **Conclusion** is not derived from the results, but seems like a discussion.

In the **introduction**... are important references but are focused on modeling with... Please **add references** (or at least **more details**) to **provide more evidence** that 100 % retention of residue in continuous wheat systems has been observed to lead to C sequestration at rates modeled in this study.

Also, **more extensive literature review** should be done and **clearly discuss shortcomings** of previous studies (that is, emphasizing uniqueness of this study)

При вынесении отрицательного заключения, рекомендующего отклонение статьи или ее существенную доработку, критические замечания представляются как аргументированное рассуждение. Это значит, что оценочные суждения не только высказываются, но и доказываются. В основе лежит речевое действие рассуждение, состоящее из трехчастной структуры: тезис (исходное утверждение) — доказательство — вывод. Применительно к тексту экспертного заключения можно говорить об оценочном рассуждении, нацеленном на объяснение оценки. Далее покажем типичный пример оценочной аргументации в связи с выражением критического отношения рецензента (нумерация добавлена нами).

(1) *However, unfortunately the calculations of radiative forcing **do not follow the normal definition** of this quantity and (2) **so** I do not think **the results are reliable** as they stand. (3) This can probably be rectified, though. (4) Specifically, radiative forcing is **normally defined** as the perturbation to the radiation budget at the tropopause, prior to a New York response by the climate system. (5) However, I do not think that the quantity that the authors are labelling as “radiative forcing” meets this definition, (6) **because** it includes a change in outgoing longwave radiation in response to changes in surface temperature (as diagnosed by MODIS). (7) This change in temperature could have a number of causes: (8) changes in the fluxes of latent and sensible heat as a result of land cover change; (9) responses to the radiative forcing by surface albedo change; (10) variations in altitude of the land surface; geographical variations in weather and climate. (11) Some of these are a response to radiative forcing (ie: a feedback as opposed to a forcing) and others are nothing to do with the vegetation change at all. (12) **Therefore** I don't think that changes in longwave radiation arising from surface temperature should be included in the quantification of radiative forcing. (13) By the normal definition, and longwave radiative forcing could occur as a result of a direct perturbation in surface emissivity, but changes in outgoing longwave due to temperature changes are a feedback not a forcing... (14) I would **therefore** recommend repeating the calculations considering just the changes in outgoing shortwave radiation alone, as a result of just the MODIS surface albedo differences. (15) This would be consistent with the calculations of Betts (2000) whose general methodology the authors appear to be following. (16) **If there is information** on surface emissivity **then this could be used to estimate** the longwave radiative forcing, but I am not sure that this will be available. (17) **If the calculations are repeated** in this way, **I would expect this to be a useful and informative paper**, as the information on albedo itself seems to be very comprehensive. (18) My recommendation is **therefore** to return the paper to authors and invite them to make these major revisions and resubmit, and then reconsider. (19) I will be happy to provide another review⁸.*

⁸ Источник: Peer review report 2 on Surface albedo raise in the South American Chaco: Combined effects of deforestation and agricultural changes // Agricultural and Forest Meteorology. 2016. Vol.217,

В основе оценочного рассуждения лежит тезис (1, 2, 3), в котором формулируется ошибка, оценивается выявленное противоречие (*the calculations of radiative forcing do not follow the normal definition*) и выражается несогласие (*I do not think the results are reliable*). Эксперт высказывает свою отрицательную оценку относительно достоверности результата — эксплицитным маркером служит прилагательное (*not*) *reliable*, соотнося с критериями научности и нормами удостоверения научного результата, что сигнализирует лексема *normal: normal definition* (1), ее повтор в (4, 13). Далее (4–11) следует обоснование тезиса, содержащего оценку. Показательно, что эксперт сообщает об известных ему, существующих в научном обороте фактах и данных (7–11) и показывает, что они приходят в противоречие с допущением автора рукописи. Негативная оценка выстраивается как разъяснение точки зрения, что маркируют разного рода коннекторы со значением причинно-следственной связи (*so, because, therefore*), и как интерпретация представленной в анализируемой рукописи информации через установление логических, причинно-следственных связей, сопоставление, контраст, анализ, синтез многих других точек зрения. В высказывании (12) вводится альтернативный тезис — точка зрения критика, опровергающая представленную в рукописи с последующим ее обоснованием. Негативная оценка развернута как демонстрация несоответствия анализируемого текста научным нормам. Характерно рестриктивное, сдержанное аргументирование и уступительно-ограничительная эпистемическая модальность высказываний по типу «если... то» за счет использования условных предложений: *If there is information on surface emissivity then this could be used to estimate* (16), *If the calculations are repeated in this way, I would expect this to be a useful and informative paper* (17). Условные предложения вообще типичны для обсуждения результатов научных исследований или при формулировке гипотезы. Здесь рестриктивная модальность сигнализирует обращенность автора заключения к адресату и ожидание ответной реакции. В (18, 19) формулируется вывод для всего рассуждения — рекомендация отклонить результат в представленной форме. Автор экспертизы позиционирует себя как активного субъекта познания, как специалиста в предметной области и одновременно как эксперта, обладающего комплексным знанием: он знает, как применимы его собственные знания, что знают другие специалисты в данной области знания, цитируемые и упоминаемые в отзыве, и он способен к системным обобщениям и выводам.

Заключение

Культура отказа — это новое понятие для характеристики взаимодействия между участниками научного сообщества в условиях осознаваемой ими научной состоятельности и возрастающего критицизма, избирательности по отношению к результатам индивидуальных исследований. «Нормализация отказа» в лингвистической перспективе означает профессиональную рефлексию относительно выбора средств и форм выражения научной критики, упорядочивание отрицательного влияния отказа. Проанализированные экспертные тексты характеризуют современную практику экспертизы, показательную для авторитетного научного журнала, ориентированного на международную аудиторию, представляющего

Supplement 1. P. 488. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0168192316306323> (дата обращения: 26.04.2024).

новые результаты в естественно-научной области знания. В связи с полученными данными лингвистически значимым результатом является наблюдаемая эксплицитная авторизация оценочных суждений. Это существенно в перспективе изучения познавательной активности эксперта и выражения его самостоятельности как одного из субъектов научного поиска и научной коммуникации, находящегося в диалоге с другим профессионалами. Персонафицированность экспертных суждений маркирует заметность экспертной позиции в научном дискурсе. При вынесении отрицательной оценки характерно оценочное аргументирование, объясняющее и доказывающее. Исследование языковых средств и процедур оценивания включается в междисциплинарное изучение языка в реальных социальных практиках и коммуникативных контекстах с позиций лингвистической семантики и прагматики, дискурсивного анализа, объясняющих использование языка в социуме. Одновременно наблюдения за использованием языковых ресурсов дает точку доступа к изучению социальных аспектов человеческой деятельности. Доступность экспертной оценки можно квалифицировать как вклад в открытую науку, ее транспарентность. Открытое рецензирование становится распространенным способом научно-экспертной деятельности и взаимодействия между специалистами в профессиональном сообществе. Одновременно в фокус дискуссии выдвигаются новые вопросы, требующие профессиональной рефлексии. Формат открытого рецензирования, рецензирования, делающего доступным имена и автора, и критика, может сделать специалиста, участвующего в экспертном процессе, незащищенным, превратить его в обороняющуюся сторону и, как следствие, мотивировать к смягчению критической риторики. При этом необходимо признавать, что критичность, то есть ясно и однозначно сформулированная позиция в научной экспертизе, является основой поступательного развития в науке. Смещение экспертной дискуссии в сторону ритуального взаимодействия специалистов, порождаемого статусными отношениями, и завуалированной имплицитной оценки приходит в противоречие с аналитизмом, убедительностью и эвристичностью критики, ее способностью к приращению научного знания.

Литература

- Данилевская 2006 — Данилевская Н. В. *Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект)*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006.
- Жэнгра 2018 — Жэнгра И. *Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию*. Зайцева А. (пер.); Кирчик О. И., Иванов К. (ред.). М.: Новое литературное обозрение. 2018.
- Кондратенко 2022 — Кондратенко П. И. Лингвокультурные особенности оценивания в научно-экспертной коммуникации (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий). *Terra Linguistica*. 2022, 13 (2): 66–74. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13207>
- Ларина 2019 — Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии. *Вопросы психолингвистики*. 2019, 1 (39): 38–57.
- Молодыхенко 2015 — Молодыхенко Е. Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015, 6 (38): 55–66.
- Нефёдов 2017 — Нефёдов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2017, 14 (4): 599–610.

- Нефёдов 2021 — Нефёдов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (4): 760–778.
- Нефёдов 2022 — Нефёдов С. Т. Катализаторы оценки: как распознать оценочные смыслы. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022, 15 (11): 1699–1712.
- Тихонова, Раицкая 2021 — Тихонова Е. В., Раицкая Л. К. Рецензирование как инструмент обеспечения эффективной научной коммуникации: традиции и инновации. *Научный редактор и издатель*. 2021, 6 (1): 6–17. <https://doi.org/10.24069/2542-0267-2021-1-6-17>
- Чернявская 2021 — Чернявская В. Е. Социальное значение в зеркале политической корректности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (2): 383–399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208>
- Чернявская 2022 — Чернявская В. Е. Негативная оценка в российской научной рецензии: между критической рефлексией и ритуальным жанром (на материале рецензий на монографии по социологии 2015–2022 гг.). *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022, 15 (11): 1680–1698. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0944>
- Allen et al. 2020 — Allen K. A., Gregory D. M., Saeed P., Shane J. R., Hattie J. Addressing academic rejection: Recommendations for reform. *Journal of University Teaching & Learning Practice*. 2020, 17 (5): 1–8.
- Allen et al. 2022 — Allen K. A., Freese R. L., Pitt M. B. Rejection Resilience-Quantifying Faculty Experience With Submitting Papers Multiple Times After a Rejection. *Academic Pediatrics*. 2022, 22 (5): 876–878. <https://doi.org/10.1016/j.acap.2021.12.031>
- Bagchi et al. 2017 — Bagchi R., Block L., Hamilton R. W., Ozanne J. L. A field guide for the review process: Writing and responding to peer reviews. *Journal of Consumer Research*. 2017, 43 (5): 860–872. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucw066>
- Carson et al. 2013 — Carson L., Bartneck C., Voges K. Over-competitiveness in academia: A literature review. *Disruptive Science and Technology*. 2013, 1 (4): 183–190.
- Chernyavskaya, Nefedov 2021 — Chernyavskaya V. E., Nefedov S. T. Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic? *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi — Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2021, (46): 1–21. <https://doi.org/10.26650/sdsl2021-990815>
- Cole et al. 1981 — Cole St., Cole J., Simon G. Chance and consensus in peer review. *Science*. 1981, (214): 881–886.
- Conn et al. 2015 — Conn V. S., Zerwic J., Jefferson U., Anderson C. M., Killion C. M., Smith C. E., Cohen M. Z., Fahrenwald N. L., Herrick L., Topp R., Benefield L. E., Loya J. *Normalizing Rejection*. *Western Journal of Nursing Research*. 2015, 38 (2): 1–18. <https://doi.org/10.1177/0193945915589538>
- Day 2011 — Day N. E. The silent majority: Manuscript rejection and its impact on scholars. *Academy of Management Learning & Education*. 2011, 10 (4): 704–718.
- Edwards, Ashkanasy 2018 — Edwards M. S., Ashkanasy N. M. Emotions and failure in academic life: Normalising the experience and building resilience. *Journal of Management & Organization*. 2018, 24 (2): 167–188.
- Ellinger et al. 2023 — Ellinger A., Jonsson P., Chapman K., Ellinger A. E. The Ideal Review Process Is a Three-Way Street. *Human Resource Development Review*. 2023, 22 (2): 251–274. <https://doi.org/10.1177/15344843231170030>
- Horn 2016 — Horn S. A. The social and psychological costs of peer review: Stress and coping with manuscript rejection. *Journal of Management Inquiry*. 2016, 25 (1): 11–26.
- Hyland, Diani 2009 — Hyland K., Diani G. Introduction: Academic evaluation and review genres. In Hyland K., Diani G. (eds). *Academic evaluation: Review genres in university settings*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2009.
- Lepak 2009 — Lepak D. Editor’s comments: What is good reviewing? *Academy of Management Review*. 2009, 34 (3): 375–381. <https://doi.org/10.5465/amr.2009.40631320>
- Martin, White 2005 — Martin J. R., White P. *The language of evaluation*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
- Martin, Rose 2007 — Martin J. R., Rose D. *Working with discourse*. London; New York: Continuum, 2007.
- Reinhart 2009 — Reinhart M. Peer Review of Grant Applications in Biology and Medicine. Reliability, Fairness, and Validity. *Scientometrics*. 2009: 789–809.

- Reinhart 2010 — Reinhart M. Peer Review Practices: A Content Analysis of External Reviews in Science Funding. *Research Evaluation*. 2010, 19 (5): 317–331.
- Stefan 2010 — Stefan M. A. CV of failures. *Nature*. 2010: 467–468. <https://doi.org/10.1038/nj7322-467a>
- Wang 2019 — Wang J. Enhancing research significance by addressing “why”. *Human Resource Development Review*. 2019, 18 (3): 291–293. <https://doi.org/10.1177/1534484319867803>

Статья поступила в редакцию 21 марта 2024 г.
Статья рекомендована к печати 24 июня 2024 г.

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
29, Politechnicheskaya, St. Petersburg, 196135, Russia
Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, ul. Aleksandra Nevskogo, Kaliningrad, 236041, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>
chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Culture of rejection in scientific communication: Semantics and pragmatics of negative evaluative language in peer-review*

For citation: Chernyavskaya V.E. Culture of rejection in scientific communication: Semantics and pragmatics of negative evaluative language in peer-review. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (4): 956–975. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.411> (In Russian)

The notion of “culture of rejection” is used to identify the social and professional interaction between actors in the scientific community in the framework of visible scientific competition and experienced multiple rejection with submitting papers and grant proposals. The paper examines the practice of academic rejection, relying on the linguistic features of the evaluation, expressed in the peer-review texts after submitting a manuscript to a scientific journal. Peer-review is considered as the text genre with the most explicit appraisal. Open review and publishing peer-review history of a submission is becoming a common way of scientific expert activity and interaction between specialists in the professional community. Studying the culture of rejection from a linguistic perspective presupposes professional reflection regarding the peer’s choice of means and forms of scientific criticism, focusing its constructive nature and reducing some of the negative emotions associated with rejection. The analysis is based on English-language peer-reviews on manuscripts, available on the websites of international scientific journals presenting new results in the natural sciences in the peer-review history supplements. Scientific criticism is considered as making a negative judgment, disagreement with the presented position. The research question is related to how the peer shapes the evaluative position towards the subject of the reviewed study and towards peer’s own statements for their justification and argumentation. The examined corpus included critical texts with peer’s recommendations “Decline with option of resubmission” and “Major revision”. The linguistically significant findings reveal negative evaluation as associated, firstly, with the explicit authorization of peer’s judgments. This reveals the cognitive activity of the peers and their independence as one of the actors of scientific research and communication, positioning the criticism in dialogue with other professionals. Secondly, for a negative evaluation, evaluative argumentation is characteristic, explaining and proving the expert’s point of view. It is concluded that a clearly and unambiguously presented criticism in scientific expertise is the basis for progressive development in science.

* The article was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant no. 22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operating system for meaning formation” at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

Keywords: scientific communication, scientific expertise, peer-review, evaluative language, culture of rejection.

References

- Данилевская 2006 — Danilevskaia N. V. *Interchange of old and new knowledge in scientific text production (axiologic aspect)*. Abstract of the Thesis for Dr Sci. in Philological Sciences. Ekaterinburg, 2006. (In Russian)
- Жэнгра 2018 — Gingras Y. *Mistakes in Science Evaluation*. Zaitseva A. (transl.); Kirchik O. I., Ivanov K. (eds). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. (In Russian)
- Кондратенко 2022 — Kondratenko P. I. Linguistic and cultural features of evaluation in academic expert communication (based on German and Russian academic reviews in Linguistics). *Terra Linguistica*. 2022, 13 (2): 66–74 <https://doi.org/10.18721/JHSS.13207> (In Russian)
- Ларина 2019 — Larina T. V. Emotive Ecology and Emotive Politeness in English and Russian Anonymous Review. *Voprosy psicholinguistiki*. 2019, 1 (39): 38–57. (In Russian)
- Молодыхенко 2015 — Molodychenko E. N. Axiological Dimension in the Discourse of Consumerism: The Role of Evaluative Language in the Lifestyle Genre. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*. 2015, 6 (38): 55–66. (In Russian)
- Нефёдов 2017 — Nefedov S. T. Restrictive argumentation: modal words of doubt and shared knowledge in academic linguistic writings. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2017, 14 (4): 599–610. (In Russian)
- Нефёдов 2021 — Nefedov S. T. Variation of assessment in the communicative practices of scientific discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (4): 760–778. (In Russian)
- Нефёдов 2022 — Nefedov S. T. Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2022, 15 (11): 1699–1712. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0945> (In Russian)
- Тихонова, Раицкая 2021 — Tikhonova E. V., Raitskaya L. K. Ensuring effective scholarly communication: traditions and novations of peer review. *Science Editor and Publisher*. 2021, 6 (1): 6–17. <https://doi.org/10.24069/2542-0267-2021-1-6-17> (In Russian)
- Чернявская 2021 — Chernyavskaya V. E. Social meaning in the mirror of political correctness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 2 (18): 383–399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208> (In Russian)
- Чернявская 2022 — Chernyavskaya V. E. Negative evaluation in Russian academic book review: Across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2022, 15 (11): 1680–1698. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0944> (In Russian)
- Allen et al. 2020 — Allen K. A., Gregory D. M., Saeed P., Shane J. R., Hattie J. Addressing academic rejection: Recommendations for reform. *Journal of University Teaching & Learning Practice*. 2020, 17 (5): 1–8.
- Allen et al. 2022 — Allen K. A., Freese R. L., Pitt M. B. Rejection Resilience-Quantifying Faculty Experience With Submitting Papers Multiple Times After a Rejection. *Academic Pediatrics*. 2022, 22 (5): 876–878. <https://doi.org/10.1016/j.acap.2021.12.031>
- Bagchi et al. 2017 — Bagchi R., Block L., Hamilton R. W., Ozanne J. L. A field guide for the review process: Writing and responding to peer reviews. *Journal of Consumer Research*. 2017, 43 (5): 860–872. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucw066>
- Carson et al. 2013 — Carson L., Bartneck C., Voges K. Over-competitiveness in academia: A literature review. *Disruptive Science and Technology*. 2013, 1 (4): 183–190.
- Chernyavskaya, Nefedov 2021 — Chernyavskaya V. E., Nefedov S. T. Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic? *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi — Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2021, (46): 1–21. <https://doi.org/10.26650/sdsl2021-990815>
- Cole et al. 1981 — Cole St., Cole J., Simon G. Chance and consensus in peer review. *Science*. 1981, (214): 881–886.

- Conn et al. 2015 — Conn V. S., Zerwic J., Jefferson U., Anderson C. M., Killion C. M., Smith C. E., Cohen M. Z., Fahrenwald N. L., Herrick L., Topp R., Benefield L. E., Loya J. *Normalizing Rejection. Western Journal of Nursing Research.* 2015, 38 (2): 1–18. <https://doi.org/10.1177/0193945915589538>
- Day 2011 — Day N.E. The silent majority: Manuscript rejection and its impact on scholars. *Academy of Management Learning & Education.* 2011, 10 (4): 704–718.
- Edwards, Ashkanasy 2018 — Edwards M. S., Ashkanasy N.M. Emotions and failure in academic life: Normalising the experience and building resilience. *Journal of Management & Organization.* 2018, 24 (2): 167–188.
- Ellinger et al. 2023 — Ellinger A., Jonsson P., Chapman K., Ellinger A.E. The Ideal Review Process Is a Three-Way Street. *Human Resource Development Review.* 2023, 22 (2): 251–274. <https://doi.org/10.1177/15344843231170030>
- Horn 2016 — Horn S. A. The social and psychological costs of peer review: Stress and coping with manuscript rejection. *Journal of Management Inquiry.* 2016, 25 (1): 11–26.
- Hyland, Diani 2009 — Hyland K., Diani G. Introduction: Academic evaluation and review genres. In: Hyland K., Diani G. (eds). *Academic evaluation: Review genres in university settings.* Basingstoke. UK: Palgrave Macmillan, 2009.
- Lepak 2009 — Lepak D. Editor's comments: What is good reviewing? *Academy of Management Review.* 2009, 34 (3): 375–381. <https://doi.org/10.5465/amr.2009.40631320>
- Martin, White 2005 — Martin J.R., White P. *The language of evaluation.* New York: Palgrave Macmillan, 2009.
- Martin, Rose 2007 — Martin, J.R., Rose, D. *Working with discourse.* London; New York: Continuum, 2007.
- Reinhart 2009 — Reinhart M. Peer Review of Grant Applications in Biology and Medicine. Reliability, Fairness, and Validity. *Scientometrics.* 2009: 789–809.
- Reinhart 2010 — Reinhart M. Peer Review Practices: A Content Analysis of External Reviews in Science Funding. *Research Evaluation.* 2010, 19 (5): 317–331.
- Stefan 2010 — Stefan M. A. CV of failures. *Nature.* 2010: 467–468. <https://doi.org/10.1038/nj7322-467a>
- Wang 2019 — Wang J. Enhancing research significance by addressing “why”. *Human Resource Development Review.* 2019, 18 (3): 291–293. <https://doi.org/10.1177/1534484319867803>

Received: March 21, 2024

Accepted: June 24, 2024